

ЗНАЧЕНІЕ ИМЕНИ „ЧЕЛОВѢКЪ“ У РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ.

(БОГОСЛОВСКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ).

Наука о языкѣ въ своихъ постепенныхъ изысканіяхъ болѣе и болѣе убѣждаетъ насъ, что слово есть не символическій знакъ, а дѣйствительное выраженіе, такъ сказать, воплощеніе мысли или, точнѣе, понятія. Отчего же одно и тоже слово часто соединяетъ въ себѣ нѣсколько понятій? Такъ естественно напрашивается вопросъ этотъ разрѣшается тѣмъ, что слово есть воплощеніе только одного перваго, соединеннаго съ нимъ, понятія, то есть, только того понятія, которое возникло одновременно съ возникновеніемъ самаго слова. Отецъ передаетъ что-то сыну и замѣчаетъ, что сынъ слушаетъ его, — слушаетъ, значитъ слышитъ; а слышитъ онъ, какъ и самъ отецъ, ушами. Вотъ отецъ эту передачу и называетъ *въ-ушениемъ* (*въ уши*), внушеніемъ. Сынъ въ свою очередь передаетъ много своему младшему брату и замѣчаетъ, что братъ не только слушаетъ, но и понимаетъ его и свою дѣятельность располагаетъ уже сообразно съ внушеніями старшаго брата; замѣчаетъ все это сынъ и отцовскому слову *внушеніе* (*въ-ушение*) придаетъ уже иное значеніе. По крайней мѣрѣ въ наше время слово *внушеніе* имѣетъ уже не то значеніе, какое оно имѣло при своемъ воз-

нижновени; тѣмъ не менѣе все же оно есть воплощеніе мысли, воплощеніе понятія и притомъ понятія, самымъ тѣснымъ образомъ связаннаго съ тѣмъ понятіемъ, какое первоначально соединено было съ этимъ словомъ. А какъ скоро выраженное въ словѣ понятіе о предметѣ, расширяясь болѣе и болѣе, выходитъ изъ объема перваго понятія о немъ, является новое понятіе и съ неразлучной своей плотью — съ новымъ словомъ: сильное внушеніе есть уже убѣжденіе. Такимъ образомъ всякое слово есть воплощеніе понятія и всякое новое понятіе вызываетъ новое слово ('). А ежели это такъ, то само собою понятно, что проанализировать названія предметовъ и дѣйствій съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней значитъ проанализировать развитіе человѣческой мысли. Въ современной наукѣ о языкѣ нельзя не замѣтить задатковъ такого успѣха; но должно сознаться, что для этого потребуются еще десятки, а быть можетъ, и сотни лѣтъ. На этотъ разъ мы останавливаемся на значеніи только тѣхъ названій, какія у разныхъ народовъ давались самому человѣку. При этомъ замѣтимъ, что сохранившіяся названія — такой древнѣйшій памятникъ въ исторіи человѣчества, древнѣе котораго нѣтъ, да и быть не могло; такъ какъ что можетъ быть древнѣе слова? Впрочемъ зачѣмъ доказывать это положеніе? Его единогласно признаютъ ученые всѣхъ направленій — и филологи и философы и естественники. Гораздо труднѣе опредѣлить относительную древность самыхъ названій, разумѣнь древнѣйшія изъ нихъ; потому что наука не рѣшила еще окончательно, какое семейство языковъ древнѣе другихъ. Наше личное мнѣніе склоняется къ тому, что семитическое семейство древнѣе прочихъ, Основанія въ подтвержденіе такого мнѣнія слѣдующія:

1) Семейство это очень долго не развивало гласныхъ. Это не то значить, что бы какой-либо языкъ могъ развиваться безъ гласныхъ звуковъ; это значить

(') А всякая новая мысль вызываетъ новое сочетаніе словъ.

только, что въ семитическомъ семействѣ звуки эти первоначально различались не по звуковому характеру, а по характеру и силѣ дыханія, сопровождавшаго звукъ. Первая еврейская придыхательная буква произносилась и какъ *a*, и какъ *e*, и какъ *o*, но всегда съ однимъ и тѣмъ же оттѣнкомъ дыханія.

2) Образованіе временъ въ семитическихъ языкахъ ясно говоритъ, что, при всей своей выразительности, языкъ былъ еще чуждъ всякой искусственности; простота напротивъ является кореннымъ его свойствомъ ⁽¹⁾.

3) Образованіе множественнаго числа въ именахъ свидѣлствуетъ о томъ же. Для образованія его семиты прибавляли къ слову звукъ *m*, то есть, для выраженія множественности они послѣдній слогъ растягивали; а звукъ *m* являлся уже, какъ необходимое слѣдствіе такого растяженія. Приѣмъ самый естественный и простой, но вполне выразительный.

Итакъ семитическое семейство языковъ, по нашему мнѣнію, самое древнее семейство. Поэтому свое изслѣдованіе о значеніи имени „человѣкъ“ мы начинаемъ съ еврейскаго и арабскаго имени: *adam*.

Признать семитическое семейство древнѣе другихъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны признать, что „Адамъ“—имя перваго человѣка. А какъ въ названіи выражается всегда понятіе, или взглядъ человѣка на называемый предметъ; то въ имени „Адамъ“ долженъ былъ выразиться взглядъ перваго человѣка на себя. Въ своей статьѣ „слово и природа человѣка“ ⁽¹⁾ мы старались на основаніи данныхъ филологическихъ доказать, что знаніе и мышленіе начинается съ самознанія. Значитъ, взглядъ на себя у перваго человѣка долженъ былъ возникнуть прежде всякаго другаго знанія и, значитъ, въ имени „Адамъ“, какъ имени перваго человѣка, должно скрываться первое пробужденіе

⁽¹⁾ Правосл. Собес. 1869 г. кн. 8 и 9.

⁽²⁾ Тамже.

человѣческаго самосознанія. Но ясное пробужденіе самосознанія въ нашемъ *я* появляется лишь при его столкновении съ *не-я*. А такъ какъ *не-я* обнимаетъ все, кромѣ подлежащаго субъекта; то для точнаго опредѣленія значенія имени „Адамъ“ мы точно должны опредѣлить и предметъ перваго столкновенія перваго человѣка, — столкновенія, вызвавшаго въ немъ (въ человѣкѣ) первое пробужденіе самосознанія и первый взглядъ на себя.

Форма *не-я* первоначально должна была явиться въ иной формѣ—простой, безъ отрицанія; потому что отрицаніе предполагаетъ предварительный, довольно сложный процессъ мышленія, и слѣдовательно оно не въ самомъ зародышѣ его. Эта форма первоначально должна была явиться въ формѣ положительной, но съ характеромъ отрицательнымъ, слѣдовательно въ формѣ противоположенія. По отношенію къ *я* такая форма—*ты*. Какое же *ты* вызвало въ Адамѣ это названіе себя съ соотвѣтствующимъ ему взглядомъ Адама на себя?

Если понятіе о себѣ и названіе себя въ первомъ человѣкѣ явилось, какъ слѣдствіе перваго столкновенія его съ *не-я*,—съ другой стороны, если это первое *не-я* человѣкъ первоначально долженъ былъ мыслить не иначе, какъ подъ формою „*ты*“, наконецъ если кромѣ этихъ формъ мышленія первый человѣкъ и въ первый моментъ проявленія сознанія не могъ имѣть другихъ формъ; то не подлежитъ сомнѣнію, что и названія для обозначенія свойствъ, какія представились ему прежде другихъ какъ въ себѣ, такъ и въ этомъ первомъ *ты*, онъ долженъ былъ заимствовать изъ этихъ двухъ, совершенно понятно и естественно вытекшихъ, формъ мышленія ('). Свойство всегда относится къ предмету какъ его проявленіе или даже произведеніе; поэтому и названіе свойства къ названію предмета должно относиться какъ слово производное къ первооб-

(') См. Правосл. Собес. 1869 г. кн. 8 и 9.

равному. Такимъ образомъ для опредѣленія предмета, съ которымъ прежде всего столкнулся Адамъ, намъ слѣдуетъ отыскать первое производное слово отъ перваго *ты* и прочесть его значеніе. Такъ какъ мы признавали семитическое семейство языковъ древнѣе другихъ семействъ; то первымъ *ты* должны признать семитическое же *ты*, то есть, еврейское и арабское *та* (*tha*). Производнымъ отъ него въ семитическомъ семействѣ можетъ быть только еврейское *тамъ* (*tham*). На немъ поэтому мы прежде всего и останавливаемся.

тамъ (*tham*)—какъ-бы множественное число отъ *та* (*tha*); для образованія его евреи, какъ мы замѣтили, прибавляли звукъ *м*. Но это слово первоначально какъ-бы множественнаго числа употребляется въ значеніи единственнаго; оно значитъ: чистый⁽¹⁾, простой, несложный⁽²⁾, обладающій всею полнотою совершенствъ⁽³⁾. Это—свойства скорѣе божескія, чѣмъ человѣческія⁽⁴⁾. А если такъ, то для насъ понятно и множественное число; евреи и до сихъ поръ употребляютъ оное *Елоhim*—Боги въ значеніи: Богъ. Такимъ образомъ пер-

(1) Псал. 18, 31. *Богъ мой; непороченъ* (*тамъ*—*tham*) *чистъ* его.

(2) *Gussetius* (*Lexicon linguae hebraicae*, p. 1723): *simplicitas opposita duplicitati*. *Stockius* (*Clavis linguae sanctae veteris testamenti*, Petropoli. 1827. p. 974): *generatim notat simplicitatem duplicitati rei physice vel moraliter oppositam*.

(3) Исх. 28, 30. Лев. 8, 8: *тамъ*—*Stockius* переводитъ *plenitudines*; *designatur enim revelatio plena et omnibus numeris absoluta*; *семьдесятъ не переводятъ—цѣтина* (*ἀλφθνα*).—Псал. 19, 8: *законъ Господень непороченъ*,—безъ всякаго недостатка, полонъ, совершенъ; *quia tradit omnia, quae ad salutem consequendam sunt necessaria*. *Stockius*, p. 976.

(4) Въслѣдствіи этимъ словомъ стали обозначать и человѣческія свойства: искренность, простоту и чистоту нравственную, когда человѣкъ не двоится, не лицемеритъ; стали обозначать также полноту времени, напр. полноту дня, года. Лев. 25, 10. Ис. Нав. 10, 13. Быт. 6, 9. Втор. 18, 13. Ис. 42, 4. Псал. 15, 2.

вое *не-я*, къ которому впервые относся человекъ, есть Богъ. Это подтверждаетъ и бытописатель; когда говоритъ, что Богъ привелъ къ Адаму всѣхъ животныхъ (Быт. 2, 19). Въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть указанія на то, что Адамъ позналъ Бога прежде познанія вѣшняго міра. Адамъ позналъ Его въ моментъ перваго своего дыханія; потому что, вдунувъ въ Адама *дыханіе жизни*, Господь вывотъ съ тѣмъ вдунулъ въ него свой образъ.

Мы опредѣлили предметъ перваго сознательнаго отношенія Адама. Это—Богъ. Теперь намъ слѣдуетъ опредѣлить результатъ этого отношенія по отношенію къ самому человеку. Мы уже замѣтили, что первое столкновеніе человека съ *не-я* должно было вызывать въ человекѣ тотъ или другой взглядъ на себя. Поэтому опредѣлить результатъ перваго столкновенія человека будетъ значить опредѣлить первый взглядъ его на себя. А какъ ни одно человеческое понятіе не возможно безъ формы,—безъ слови, безъ названія; то опредѣлять первый взглядъ человека на себя всего удобнѣе и вѣрнѣе по первому названію, данному человеку и усвоенному имъ себѣ самому. Это названіе „Адамъ“. Что же оно значитъ?

Имени „Адамъ“ обыкновенно приписываютъ значеніе прилагательнаго — „красный“ и производятъ его отъ אָדָמָה (adamah—земля); такъ какъ тѣло человека сотворено изъ земли. Но изъ законовъ развитія языка (') открывається, что אָדָמָה (adamah) само произошло отъ אָדָם (adam), какъ порусски отъ *человѣкъ* — *челостычя*. Хотя Адамъ и на землѣ воззванъ былъ къ жизни, но первое обращеніе сознанія его было къ Богу, а не къ землѣ; поэтому и въ имени его долженъ былъ выразиться результатъ такого отношенія. А что слово adam—человѣкъ находится въ родствѣ

(') אָדָם (adam)—частый морень, а въ אָדָמָה (adamah) есть суффиксъ ה, вызвавшій новый гласный звукъ а. Adamah значитъ какъ-бы *адамова*.

съ прилагательнаго adam—красный и съ adamañ—земля, мы не отвергаемъ, но думаемъ, что эти послѣднія слова сами произошли отъ существительнаго имени adam—человѣкъ. Давая имена всѣмъ тварямъ, человѣкъ землю, изъ которой сотворено его тѣло, въ силу закона ассоціацій долженъ былъ представить сродною самому себѣ; а сродная мысль должна была воплотиться въ сродное слово и выразиться въ формѣ сродной имени adam и производной отъ него, то есть, въ формѣ adamañ.

Что же значить само adam? Если уже для пробужденія самосознанія необходимо столкновение нашего *я* съ какимъ бы то ни было *не-я*, то для составленія того или другаго понятія о послѣднемъ еще болѣе необходимо выдѣленіе *я* изъ *не-я*, то есть, для какого бы то ни было познанія человѣку необходимо прежде выдѣлить или отличить себя отъ всего внѣшняго; безъ этого выдѣленія человѣкъ всѣ предметы смѣшивалъ бы съ собою. Форма выдѣленія себя изъ всего внѣшняго у всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ—одна и таже *я*, семитическое (древнее) *h*. Но это семитическое *h* замѣчательно тѣмъ, что оно еще даже не звукъ; это—одно тонкое дыханіе; это—знакъ, показывающій, что воздухъ слѣдуетъ вдохнуть въ себя, или знакъ указанія на себя, равно какъ семитическое *l* (ты)—опять не столько звукъ, сколько сильное—свистящее выдыханіе воздуха изъ себя; потому что оно равняется греческому *τ* ($\tau + \text{I}$ (')) или англійскому *th*; въ томъ и другомъ явные признаки густаго дыханія. Значить семитическое *l* есть знакъ указанія на то, что—внѣ человѣка. Что мы вѣрно понимаемъ древнее значеніе тонкаго и густаго дыханій, это, кромѣ самыхъ ихъ названій (тонкое, *spiritus lenis* и густое, *spiritus asper*), подтверждають и заимствовавшіе отъ евреевъ свой алфавитъ греки. Тонкое дыханіе они обозначали прежде знакомъ *h*, а густое знакомъ *l*; тотъ

(') Объясненіе этого знака будетъ сейчасъ.

и другой ставили въ началѣ слова, начинающагося съ гласной или предъ нею или надъ нею (¹). Первый самой фигурой своей показываетъ, что произношеніе слова слѣдуетъ начинать вдыханіемъ воздуха въ себя, а второй,—что произношеніе слова слѣдуетъ начать выдыханіемъ воздуха изъ себя. Дѣйствительность такого значенія въ древности этихъ знаковъ подтверждается слѣдующимъ соображеніемъ: надъ словомъ, начинающимся съ *P* (*R*) греки всегда ставили знакъ *Γ*, а звукъ *P* невозможно произнести, если вдыхать воздухъ въ себя; напротивъ его очень легко произнести, если сильно выдыхать воздухъ изъ себя. Если *Γ* — знакъ густаго дыханія имѣлъ такое значеніе, то обратный *Ι*—знакъ тонкаго дыханія долженъ былъ имѣть и значеніе обратное. Быть можетъ, человекъ почувствовалъ себя, какъ себя, въ моментъ перваго вдыханія воздуха въ себя и отдѣлилъ *себя* отъ *не-себя* въ послѣдовавшій за тѣмъ моментъ выдыханія воздуха изъ себя..... и древняя семитическая форма такого отличенія есть *א*. Въ имени *אָדָם* (*adam*) первый знакъ *א* не есть ли этотъ первоначальный указатель на *себя*, не есть ли дѣйствительно личное мѣстоименіе *я*?... Допустимъ это предположеніе. Что же такое — *דָם* (*dam*)?... Не есть ли это смягченное, убавленное, уменьшенное *דָם* (*tham*)? *דָם* (*th*)—сильный придыхательный звукъ, а *דָם* (*d*) — средній. Чтобы выразить понятіе о себѣ, человекъ смягчилъ первый звукъ слова, указывающаго на Существо совершенное; это знакъ, что онъ посмотрѣлъ на себя ниже, чѣмъ на это Существо, но въ тоже время посмотрѣлъ на себя, какъ на подобнаго Ему; *דָם* (*tham*) и *דָם* (*dam*)—подобны. Такой переходъ звука *דָם* (*th*) въ звукъ *דָם* (*d*) — не рѣдкость въ еврейскомъ языкѣ и именно переходъ съ такимъ характеромъ, что звукъ *דָם*, замѣнивъ собою въ словѣ *דָם*, ослабляетъ мысль: *דָםדָם* (*thaaab*) значить:

(¹) Журн. мин. нар. пр. 1869 г. Наша учеб. лит. стр. 3 и 10.

страстно желалъ, а דאב (daab)—только соблазнитель; תפחל (thaphal) значить: заманивалъ, а דפחל (daphh) безслави; תל (thal)—куча, холмъ, а דל (dal)—мошій, отсюда תלל (thalal)—собралъ въ кучу, а דלל (dalal)—вычерпано изъ кучи (вычерпана вода), уменьшено. И не только въ еврейскомъ, а во всѣхъ, извѣстныхъ намъ, языкахъ переходъ звука t въ звукъ d—не рѣдкость: греческое θεός перешло въ діосъ и въ латинское deus: немѣцкое teuten, откуда—тевтоны, измѣнилось въ deuten, откуда—deutsch. У насъ есть слово тятя; этимъ именемъ дѣти называютъ отца, а подобнаго и близкаго ему человѣка, но менѣе родственного самими дѣтями,—отцова брата, называютъ дядя. Почему же не допустить, что и изъ דל образовалось דל, какъ изъ תל—דל, изъ тятя—дядя, и съ тѣмъ же главнымъ характеромъ не тождества, а только подобія?..... Если допустить теперь, что первый знакъ имени דל (adam), т. е. א есть личное мѣстоименіе—я, то все слово—„Адамъ“—будетъ значить; я—подобіе, или: я—подобенъ.

Мы никогда не осмѣлись бы навести и такого очень и очень вѣроятнаго объясненія имени Адамъ, если бы въ еврейскомъ языкѣ не было слова דל (dam) съ значеніемъ подобія. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится о сотвореніи человѣка по подобію Божію, понятіе „подобіе“ выражается словомъ דל только въ женскомъ родѣ דלל (Быт. 1, 26. 5, 1. Иса. 18, 4. 40, 18. Іезек. 10, 10. Дан. 10, 16). А пророкъ Іезекииль употребляетъ это слово и въ мужескомъ родѣ דל и употребляетъ въ значеніи подобія (Іез. 19, 20). Значить въ еврейскомъ языкѣ было слово דל съ значеніемъ подобія. А что изъ דל могло образоваться דל (adam), въ какомъ бы значеніи мы ни приняты знакъ א, —видно изъ слѣдующихъ образований: изъ תפחל (thaphal—далъ) образовалось תפחלל (')—даръ), изъ

(') Знакъ א мы читаемъ, какъ женское а, т. е. ближе къ е.

פָּרָה (parah—принесъ плодъ) образовалось אֶרְפָּה (arphath—плодовитая), изъ זָרַח (zarach—произошелъ) образовалось אֶזְרָח (azarach—туземецъ).

Не встрѣчая никакихъ препятствій для такого объясненія слова *Адамъ* со стороны филологіи, мы позволяемъ себѣ думать, что оно вполне согласно и съ духомъ сказанія Моисеева: *сія книга бытія чловѣка* (אָדָם—adam), *въ онѣже день сотвори Богъ Адама: по образу Божію сотвори его. Мужа и жену сотвори ихъ: и благослови ихъ, и нарече имя ему Адамъ, въ онѣже день сотвори ихъ* (Быт. 5, 1. 2). Лишь только сотворилъ Богъ чловѣка, даетъ ему уже и имя и благословляетъ его. Отсюда видно, во-первыхъ, что чловѣкъ сотворенъ самосознающимъ, иначе онъ не могъ бы стать въ сознательныя отношенія къ слову Божію; во-вторыхъ—что первое столкновение перваго чловѣка было отношеніе къ Творцу, потому что вслѣдъ за сотвореніемъ чловѣка говорится о благословеніи его и о нареченіи ему имени: *и благослови ихъ, и нарече имя ему Адамъ*. Что значить *нарече*? Вѣдь нельзя же понимать это чувственнымъ образомъ? Первое явленіе Бога чловѣку и было уже нареченіемъ имени послѣднему. Увидѣвъ Творца, чловѣкъ увидѣлъ въ себѣ образъ и подобіе Его, а вѣстѣ съ тѣмъ услышалъ или узналъ и свое имя..... Говоря въ этомъ мѣстѣ о сотвореніи мужа и жены, бытописатель тѣмъ не менѣе мыслить того и другую, какъ чловѣка вообще: *нарече*, говорится, *имя ему* (не имъ), хотя рѣчь идетъ о сотвореніи и благословеніи не одного, а обоихъ: *благослови ихъ, и нарече имя ему Адамъ, въ онѣже день сотвори ихъ*. Зачѣмъ же откровеніе говорить, повидимому, о нареченіи имени чловѣку вообще, а ни Адаму, ни женѣ—въ частности? Не погрѣшимъ, если скажемъ, что—затѣмъ, чтобы выяснить чловѣку его существо; чтѣ и достигается объясненіемъ имени—*Адамъ*. Бытописатель говорить: *сотвори Богъ Адама*, и тотчасъ прибавляетъ: *по образу* (בְּצֶלְמֶהָ—женскій родъ отъ dam) *Божію сотвори его*. Эти слова, по нашему

мнѣнію, не что иное, какъ объясненіе имени и сущности *адама* въ смыслѣ человѣка вообще. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли не обратить на себя вниманія то обстоятельство, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ за словами: *сотвори Богъ челоутка*—Адама, бытописатель дѣйствительно какъ-бы въ объясненіе, что такое—Адамъ, тотчасъ прибавляетъ: *по образу и подобію Божію сотвори его* (Быт. 1, 27. 5, 1)?

Далѣе, слово דָּמָה (*dam*) значитъ не только подобіе, но и мышленіе, пониманіе, и глаголь דָּמָה (*damah*) значитъ не только: *быть подобнымъ*, но и: *размышлять, понимать*, и употребляется въ этомъ значеніи весьма часто (Числ. 33, 56. Есѣ. 4, 13. Псал. 50, 21 (по еврейск. счету). Иса. 10, 7. 14, 22). Отсюда новое заключеніе, именно то, что первый человѣкъ, придавшій слову דָּמָה (*dam*—подобіе) новое значеніе, — значеніе мышленія, пониманія, придалъ его потому, что образъ Божій видѣлъ онъ въ своей мысли, въ своемъ умѣ, въ своей душѣ. Не будь у перваго человѣка сознанія, что онъ носитъ въ себѣ образъ и подобіе Божіе и носитъ именно въ своей душѣ, въ своемъ умѣ; хитрость, какую употребилъ змій, чтобы соблазнить жену: *отверзутся очи ваши и будете яко бози, видяще доброе и лукавое* (Быт. 3, 5), не могла бы имѣть успѣха; потому что не имѣла бы подъ собой никакой почвы...

А. Некрасовъ.

(продолженіе будетъ)